

Эта трусость ученых мандаринов, с одной стороны, и заговор молчания буржуазной и реакционной прессы — с другой, причиняют мне большой ущерб. Мейснер пишет, что выручка за книгу во время осенней ярмарки очень плохая. Для покрытия всех издержек все еще *не хватает* свыше 200 талеров. Он заявляет также, что если хотя бы в нескольких больших городах, в Берлине и т. п., делалась хотя бы половина того, что Кугельман сделал в Ганновере, то мы могли бы уже иметь и второе издание.

1 января я стал дедушкой, — новогодним подарком был маленький мальчик*, Лафарг наконец добился того, что его освободили от трех экзаменов, и теперь ему остается выдержать во Франции только два.

Наилучшие пожелания Вашей милой жене и Френцхен

Ваш *Карл Маркс*

Крест, с которым изображена на фотографии моя старшая дочь Женни, — польский повстанческий крест 1864 года²³⁴.

*Впервые опубликовано с сокращениями
в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2,
№ 12, 1901—1902, полностью
на русском языке в книге
«Письма Маркса к Кугельману», 1928 г.*

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

36

МАРКС — ПОЛЮ И ЛАУРЕ ЛАФАРГ В ПАРИЖ

Лондон, 15 февраля 1869 г.

Дорогой Поль и любимый Какаду!

Вы знаете мнение Фальстафа о стариках — все они циники**. Вас не удивит поэтому, что я пройду мимо такого упрямого факта, как мое продолжительное молчание. Перехожу сразу к *mediis res****, повернувшись спиной к грехам прошлого.

Прежде всего я должен откровенно сказать вам, что очень обеспокоен состоянием здоровья Лауры. Я не знаю, чем объяснить ее продолжительное уединение. Она не показывается моим друзьям, таким, как Дюпон, и это усиливает мои опасения. Как только позволят известные обстоятельства, я приеду к вам с единственной целью — взглянуть на мое дитя. После выхода в свет

* — Шарль Этьенн Лафарг. *Ред.*

** *Шекспир*. «Король Генрих IV». Часть II, акт III, сцена вторая. *Ред.*

*** — сути дела (*Гораций*. «Наука поэзии»). *Ред.*

«Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» вряд ли я буду в Париже в полной безопасности. Не делайте в ваших письмах никаких намеков относительно моего тайного намерения.

Я весь ма благодарен маленькому Фуштра, который всячески старается держать своего дедушку в курсе современной литературы. Книга Вермореля^{*} очень развлекла меня. Я в общем согласен с его оценкой тех людей, которые в 1848 г. играли роль, не предназначенную им естественным отбором. Некоторых лиц он слишком принимает всерьез, например Одилона Барро, это напыщенное ничтожество. Ему недостает понимания тонких оттенков внутри класса, представителями которого более или менее бессознательно — как это произошло с Ледрю-Ролленом — являлись эти временные, но отнюдь не провиденциальные люди^{**}. Некоторые вещи неудачны — например, его постоянные попытки оправдать, и, надо сказать, довольно ловким способом, эту странную помесь авантюриста, утописта и критика. Я имею в виду Э. Жирардена. Что касается его критики не отдельных деятелей, а их действий, то он на каждом шагу проявляет чисто прудоновское невежество и высокомерие.

По поводу рабочего-художника я должен сказать, что он не в моем вкусе. Единственная вещь, которая мне понравилась, — это портрет Бланки. Я послал его Бизли, чтобы излечить последнего от странного предубеждения, вынесенного им из книги Даниель Стерн^{***}, — этой старой кокотки. Обедая у нас, он наивно спросил меня, не является ли Бланки одним из *нереспектабельных* людей типа Брэкло. Я не мог не посмеяться втихомолку над этой оценкой революционного деятеля прямо-таки в духе Джона Буля. Я спросил его, был ли «респектабельным» человеком его герой Катилина⁵²³.

В «Peuple»⁵²⁴ меня больше всего позабавило то обстоятельство, что эти ученые прудонисты были вынуждены выступать как *литераторы* — в роли, которую они так глубоко презирали и которая тем не менее является их единственной и настоящей *ролью*, единственным делом, к которому они пригодны. Вот великолепный пример иронии истории!

Что касается живописного рассказа Поля о его приключениях с мадемуазель Руайе⁵²⁵, то он доставил удовольствие Энгельсу и моей скромной персоне. Меня несколько не удивила его неудача. Он, вероятно, помнит, что, прочитав ее предисловие к Дарвину, я сразу сказал ему, что она представительница бур-

^{*} О. Верморель. «Деятели 1848 года». Ред.

^{**} Игра слов, основанная на созвучии слов «provisional» — «временный» (намак на Ледрю-Роллена и других членов временного правительства Французской республики в 1848 г.) и «providential» — «провиденциальный». Ред.

^{***} Д. Стерн. «История революции 1848 года». Ред.

жуазии. Борьба за существование в английском обществе — всеобщая конкуренция, *bellum omnium contra omnes*⁵²⁶ — привела Дарвина к открытию ожесточенной конкурентной борьбы за существование как основного закона «животного» и растительного мира. Дарвинизм же, наоборот, считает это решающим доводом в доказательство того, что человеческое общество никогда не избавится от своего скотства.

Что касается «Нищеты философии», то я действительно не знаю, что я могу еще сделать в этом отношении. Обедня была испорчена с самого начала. Экземпляры следовало с благодарностью получить сразу, но теперь слишком поздно исправлять положение. Я написал Мейснеру, чтобы он присмотрел за Фоглером, но мы вряд ли добьемся чего-нибудь, разоблачив этого бездельника. Самым скверным является то, что Фивег не только держит у себя книгу, но и изъясил ее из обращения. Если он снова даст объявление о продаже книги по два франка за экземпляр, то возможно, что сможет продать ее. Лафаргу следует поговорить с ним в этом смысле¹⁸³.

Боюсь, я не смогу сделать много для вновь задуманной газеты²⁴⁵. Во всяком случае, я постараюсь сделать все, что в моих силах. Кауэлл Степни никогда не даст ссуды в 12000 фунтов. Этот благожелательный дурак чрезвычайно нелепо, по мелочам, растрчивает свои средства. «*Social Economist*» существует за счет Степни. Это самое бестолковое из изданий старого Холиока, который сам себе Кромвель^{**}. Нет ни одной сомнительной филантропической затеи, к которой Степни не приложил бы свою руку или, вернее, свой карман. Так что хотя вы и хотите, чтобы он развернул свою деятельность в более широком масштабе, но у него нет для этого ни желания, ни возможностей.

Наш Интернационал делает большие успехи в Германии. Наш новый план, предложенный мной, — разрешать только индивидуальное членство и продавать по 1 пенни членские билеты, на обратной стороне которых отпечатаны наши принципы на немецком, французском и английском языках, — вполне себя оправдывает. Юнг с каждым днем все более становится похожим на мелкого хозяйчика. Елейность, аффектация и самодовольство, с какими он вещает, словно оракул, или плетет свои бесконечные рассказы, становятся просто невыносимыми. Дюпон сказал ему об этом, добавив, что он (Юнг)

¹⁸³ Имеется в виду социальный дарвинизм. *Ред.*

^{**} «*Be every man his own Cromwell*» («Каждый сам себе Кромвель») — английская пословица, примерно, соответствующая русской — «каждый кулик на своем болоте велик». *Ред.*

имеет еще привычку во время разговора держать руки в карманах и позвякивать своим кошельком. Но в действительности он не так уж плох.

Мой старый знакомый — русский Бакунин — затеял хитроумный небольшой заговор против Интернационала. Поссорившись с Лигой мира и свободы на ее последнем Бернском конгрессе⁵²⁷ и выйдя из этой организации, он вступил в Романскую секцию нашего Товарищества в Женеве. Очень быстро он опутал славного старого Беккера, всегда жаждущего решительных действий, но имеющего весьма некритический склад ума. Легко увлекся и такой энтузиаст, как Гарибальди. Итак, Бакунин тайно подготовил план организации «Международного альянса социалистической демократии», который должен был в одно и то же время являться и отделением нашего Интернационала, и новой независимой международной организацией, объявившей своей «особой миссией» разработку высших философских и т. д. принципов» пролетарского движения, в действительности же этот план с помощью ловкого трюка поставил бы наше Товарищество под руководство и в зависимость от верховной инициативы русского Бакунина. Способ, каким они приступили к делу, чрезвычайно характерен. Свою новую программу⁵²⁵, подписи под которой открывает имя старого Беккера, они послали за нашей спиной в Париж, Брюссель и т. д.; туда же они направили и своих эмиссаров. Лишь совсем недавно они переслали эти документы лондонскому Генеральному Совету. Официальным решением мы отразили натиск московитского молокососа. Все наши отделения одобрили это решение. Разумеется, старый Беккер затаил теперь обиду против меня, так же как и Шили, который основывается на его информации, но, при всем моем личном дружеском расположении к Беккеру, я не могу допустить, чтобы эта первая попытка дезорганизовать наше Товарищество имела успех.

Говорил ли вам Дюпон, что доблестный Везинье был изгнан из знаменитой Французской секции, как подлый и низкий клеветник^{*}? За это он сделался признанным героем «La Cigale», которая открыто выступила против «подозрительности лондонского Генерального Совета» и его пособников в Брюсселе.

А теперь до свидания, мои дорогие дети, поцелуйте за меня маленького Фуштра и не забывайте

Олд Ника

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с английского

^{*} См. настоящий том, стр. 122. *Ред.*